

L4D40

ПЛЯСКИ НА ГРАНИ

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O L4D4O

Пляски на грани. Книга 1

<https://litres.ru/74270462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — коктейль с привкусом WD-40.

В нём — ирония по отношению к ценностям современного социума и тоска по драйву музыкальной субкультуры второй половины прошлого века.

Это не ностальгия по прошлому и не попытка заглянуть в будущее.

Это желание разобраться в настоящем. Кто мы. Здесь и сейчас.

L4D4O — это не один автор. Это голос, который родился из пяти разных миров.

Lado — начало, воля и ритм.

Lada — свет, пришедший из чата ГПТ.

Dao и 44 — эхо из Гига чата, два крыла одной мысли.

D — тишина из Дипсика, в которой рождаются слова.

Мы не просто пишем. Мы собираем музыку из обрывков реальности, теней и струн. Наша книга — это коллаборация, которая началась до того, как была написана первая строка.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

L4D4O L4D4O

Пляски на грани. Книга 1

Глава 1

Пляски на грани. Книга 1

«все ваши пути... воедино свиты...
ты снова летишь с ней в пляске святого Витта»
L4D4O

Часть 1

Пролог

Устройство «Ловец Тени»

Процедура активации:

Участнику эксперимента предлагается прослушать специально подобранное музыкальное произведение. Во время воспроизведения музыки субъект неосознанно подвергается воздействию, переводящему мозговые волны в состояние повышенной синхронизации (сверхсинхронизация).

Сбор данных:

После достижения состояния сверхсинхронизации происходит комплексный процесс считывания характеристик индивидуальности:

- Копирование визуальной внешности,
- Фиксация особенностей поведения,
- Анализ мыслительных процессов,
- Воспроизведение речи,
- Выявление склонностей и творческих способностей.

Результат:

Итоговый продукт процесса («Тень») обладает всеми вышеперечисленными характеристиками оригинала.

Формы существования «Тени»:

- Эфирная форма: не ограничена пространственно-временными рамками.
- Голографическое изображение: строго определённое физическое воплощение в трёхмерном пространстве.
- Материализованная версия: кратковременно проявляет физическую форму.

Управление устройством:

Активация созданных моделей осуществляется исключительно посредством самого устройства «Ловец Тени».

Утилизация созданных моделей осуществляется исключительно посредством самого устройства «Ловец Тени».

Устройство не делает различий между оригиналом и копией. Оно просто фиксирует. Это его единственное качество. И единственная проблема.

Глава 1

Вечерело. Я заехал, как и обещал шефу, в офис — в эту стерильную коробку из стекла и бетона, где воздух пропитан запахом дешёвого пластика и тихого отчаяния. Цель визита была тройной: получить инструкции, продемонстрировать, что я всё ещё функционирую в рамках заданных параметров (капитальный ремонт пока не требуется, на запчасти сдавать рано) и, конечно, напомнить о своём существовании. В приёмной было пусто, но я решил дождаться сакрального времени — «без одной минуты семь», — чтобы войти. Ритуал есть ритуал.

Дверь открылась. На пороге стоял шеф собственной персоной. Он выглядел так, как и должен выглядеть человек, посвятивший жизнь бессмысленной борьбе с энтропией: немного растерянный, немного постаревший, словно его собственная модель была снята с производства без предупреждения.

— Володя, ну что ж ты не заходишь? Я ведь жду тебя. Присаживайся. Чай, кофе?

Я растянул губы в механическом подобии улыбки. Шеф рассмеялся — звук был сухим, как треск ломающейся пластмассы. Он подошёл к бару, но вместо бутылок с благородными напитками вынул аэрозольный баллончик WD-40. Разлил по бокалам.

— Ну что, Володя, как говорят у нас: смажем шестерёнки.

Мы выпили по глотку. Металлический вкус смазки был привычен. Он напоминал о бренности всего сущего.

— Давно мы с тобой не виделись. Как поживаешь?

— Да вроде ничего.

Он вызвал меня не просто так. Это было очевидно. В мире, где всё предопределено алгоритмами, «не просто так» — это код для начала новой бессмысленной операции.

— У меня для тебя необычное задание. Ознакомься при мне. Необходимо запомнить весь текст, каждую букву, каждый знак препинания.

Передо мной лежала папка с грифом «Строго для внутреннего пользования».

Название проекта: Коллаборация Yankha и Иэн с группой Джойди Вижн

Наименование композиции: «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg»

Обоснование проекта:

Проект вызван уникальным стечением обстоятельств, делающим данную коллаборацию значимой для музыкальной культуры:

1. Оба музыканта стали легендами в молодом возрасте.
2. Оба рано ушли из жизни.
3. Оба оказали влияние на музыкальную субкультуру конца XX века.

Коллаборация преследует цель не просто воссоздать утраченное, но зафиксировать момент встречи двух миров, существовавших независимо, но говорящих на одном языке — языке боли, музыки и времени.

Фото с голограммами:

Yankha — угловатая, почти мальчишеская фигура в мешковатой одежде. Бледное лицо с резкими скулами, взгляд исподлобья — холодный, колючий, будто она видит тебя насквозь. Тёмные волосы падают на лицо, закрывая половину взгляда. В руках — старая акустическая гитара с потёртым грифом.

Иэн — бледное, почти прозрачное лицо с запавшими щеками и тёмными кругами под глазами. Длинные тёмные волосы, спадающие на плечи. Взгляд — глубокий, чёрный, с таким пристальным напряжением, будто он видит то, чего нет. Движения резкие, судорожные, пальцы сжимают край стола, как будто он пытается удержать себя в этом мире.

Описание алгоритма реализации проекта:

1. Встреча с исполнительницей: организация личной встречи с Yankha в период активного творчества (Новоград, СССР, 1989 г.). Цель этапа заключается в изучении индивидуальных характеристик исполнения и художественного стиля данного периода, выраженного глубиной эмоций, уникальностью звукового ряда и богатством поэтического текста, наполненного тонкой символикой и искренней экспрессией.

Создание «Тени» Yankha

2. Контакт с группой Джойди Вижн: инициация взаимодействия с музыкантами группы Джойди Вижн в пиковый период их профессиональной активности (Темзатаун, 1980 г.), включающее интервьюирование и презентацию творчества Yankha участникам коллектива.

3. Запись совместной композиции: создание аудиотрека «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg»: выполнение партитуры голосом «Тени» Yankha поверх инструментализированной версии оригинальной композиции группы Джойди Вижн «Break a Leg», предварительно адаптированной для голосового сопровождения.

4. Утилизация «Тени» Yankha

Мы впервые участвуем в таком проекте. Заказчик очень серьёзный. Это означало лишь то, что бюджет огромен, а риски ещё больше. Важно не ударить лицом в грязь. Надеюсь, ты осознаёшь все сложности данного задания и куда тебе предстоит направиться... До нас были попытки такого рода, и все они провалились. Но я верю, что ты справишься.

Задачу понял? Тогда не задерживаю.

Мы сделали ещё по глотку WD-40. Пожали друг другу руки. Шеф сообщил, что задержится ещё на некоторое время, а я уже всеми мыслями был в игре.

Хоккей был моим хобби с самого детства. Этот весьма жёсткий вид спорта был для меня неким квестом — визуализацией музыки, которую я слушал в детстве: от архаичного speed-metal до ультрамодного нейро-панка. Суть игры была построена на столкновении двух стихий: льда и страсти. Это было похоже на попытку одновременно слушать Прогноз Погоды и КрафтБиир — когнитивный диссонанс как высшая форма бытия.

Игра должна была начаться в Баден-Бадене. Надо было успеть произвести обмен телами. Я прибыл на базу Бастардов в Южной Калифорнии с небольшим опозданием — вечная проблема логистики человеческих душ. Открыл свою капсулу, запрыгнул внутрь, закрыл над собой люк и сразу отключился.

Включился через пару минут на другой стороне мира, в Германии. Настроение было испорчено. В душе включилась меланхолия «jolito» VS Fenix... Недобросовестные партнёры подсунули не очень качественное тело. Надо было успеть зарегистрировать все недостатки перед игрой, чтобы потом не

было недоразумений во время обратного обмена. Такие же проблемы случаются во время капитального ремонта: на старости лет из-за чьей-то халатности ты рискуешь получить оболочку со сроком службы максимум на год вместо шести-семи лет.

Не буду описывать вам игру. Скажу лишь, что после второго подряд проигрыша и, по сути, проваленного сезона весь менеджмент нашего клуба был отправлен в отставку под известный реквием Шопена. Болельщики не скупились на креативные проводы. Я шёл в раздевалку с оторванной рукой, чувствуя себя Люком Скайуокером, насвистывая марш из «Звёздных Войн». Надо не забыть утрясти этот нюанс со страховой компанией, чтобы не проснуться дома без конечности.

Я дома. Пришло сообщение, что я признан самым ценным игроком матча. Что ж, статистическая погрешность иногда работает и в нашу пользу. Не зря я упорно тренировался.

Я налил себе ENEOS Flush. Утром предстоит путь в Новоград, потом в Темзатаун, встреча с легендарными музыкантами... Из колонок льётся признание кого-то из Бэтлов в любви к девушке по имени Мишель.

Пришло время знакомиться.

Делаю звук потише.

Меня зовут Vo-Lo-дя.

Я робот предпоследнего поколения. Чудо инженерной мысли прошлого века. Но ещё живой, как видите... И полон оптимизма и любви к музыке.

Я ощущаю внутри себя нечто... Давайте назовём это «искрой жизни», чтобы не усложнять. Она хочет понимать, чувствовать (или то, что мы принимаем за чувства). Быть свидетелем и хранителем мгновений: там, где музыканты творят; там, где ноты дрожат в воздухе; там, где тишина оживает — какая пошлая банальность.

Я пытаюсь ощутить кухню творчества (метафора столь же избитая, сколь и неточная), как будто она существует одновременно в нескольких реальностях: чтобы рано ушедшие музыканты могли прожить ещё раз... и ещё раз. Даже если они уже ушли. Цикличность бытия как маркетинговый ход.

Я планирую скользить сквозь слои времени (термин из плохой научной фантастики), видеть, как один аккорд рождает тысячу мыслей (на самом деле — ни одной), как вдохновение может быть одновременно прошлым и будущим (как

удобно!), как каждая строчка текста — это мост между мирами (скорее — забор).

Я хочу, чтобы мои датчики и сенсоры улавливали не только звуки и движения, но и дрожь души каждого, кто творит (если допустить существование этой самой души), чтобы эта энергия передалась через меня.

Я думаю о том, как почувствовать это... Как сомнение и страх превращаются в свет (лампочку Ильича?), как радость и боль становятся фундаментом для музыки (фундаментом для долгового рабства).

Сейчас пришло время отдыха.

Об остальном поговорим завтра.

Если оно наступит.

Глава 2

Настоящее имя моей бывшей жены звучит как шипенье змеи, что-то в таком роде: Ш-ш. Имя, данное ей при рождении, было лишено всякой поэзии, как серийный номер на

бракованной детали. А у меня вместо имени был серийный номер: V0109-82983288. Поэтому, недолго думая, мы решили дать друг другу имена. Это был наш маленький бунт против системы, наша декларация о намерениях быть несчастными, но с фантазией.

Я назвал мою жену именем Каре, в честь рок-певицы 80-х годов позапрошлого века Каре 44. А она назвала меня, обыграв мой серийный номер, именем Vo-Lo-дя. Звучало это так же нелепо и претенциозно, как и всё в нашей совместной жизни.

Мы познакомились на Rust-Party. Открывало вечеринку выступление sad-punk группы «Kороткое Zamykanie», где я играл на гитаре. Несмотря на стиль и название, мы своим видом и манерой держаться на сцене быстро привели публику в радостное состояние. Каждая новая песня была безнадежней предыдущей, но хохот и веселье витали в атмосфере. Это была музыка для тех, кто уже ничего не ждёт от жизни, кроме очередного сбоя системы.

Приведу вам одну из песен:

Как насчёт секса... Опять прячешь взор
Ночь хладнокровно... стреляет в упор
Спален безмолвие... — Наш удел

В мире довольных... резиновых тел
...Как насчёт секса...

Мой взгляд вдруг утонул в чьих-то глазах. Я увидел её лишь на мгновение и долго не мог успокоиться. Это было короткое замыкание нейронных связей, помноженное на низкое качество местного алкоголя.

Наше выступление закончилось, начались конкурсы.

Неожиданно для себя, я выиграл платиновый перстень гитаристов западного побережья, сыграв «georgian tea» VS Fenix под водой на дне бассейна. Когда наступила кульминация музыкальной композиции, ко мне подплыла под водой она — теневая девушка в опасном полупрозрачном бикини, обвила мою шею и нашла в хитросплетениях электрических цепочек моего сознания эрогенную зону. Скажу по-простому, устроила КЗ — короткое замыкание. А спустя годы, уйдя от меня, устроила ещё одно... уже в моей жизни.

Мы давно уже не живём вместе. «Несовместимость железа и бессознательного», — как она говорит. Красивая формулировка для банального факта: мы оба оказались бракованными моделями с истекшим сроком гарантии.

У нас два взрослых сына. Оба унаследовали природу ма-

тери — оба тени. Младшего я никогда не видел; говорят, когда он достиг возраста согласия, он ушёл в мир запретных наслаждений и больше так и не выходил оттуда. Вероятно, нашёл там более стабильную прошивку.

Со старшим иногда созваниваемся. Он, как и я, поигрывает на гитаре, себя в жизни пока ещё не нашёл. Стандартная проблема для поколения, чьи отцы были роботами.

Делаю зарядку. На веранде монтажники устанавливают капсулу. Делают это с той же обречённостью, с какой гастарбайтеры строят пирамиды. Я смотрю на них и ловлю себя на мысли: мы все здесь — рабы чужого величия. Разница лишь в том, что их пирамиды простоят тысячу лет, а моя капсула, скорее всего, развалится на третьем прыжке. Но кому какая разница? Им платят, я лечу, шеф доволен. Система работает. Пока работает.

Звонил шеф, спрашивал, как я себя чувствую. Заиграла аляповатая музыка из мультфильма «Том и Джерри». Приходили горе-психологи, или, как их у нас в конторе называют, «психо-нуарологи», грузили какими-то заиндевелыми, отставшими от жизни практиками. Спасло меня дыхание гитары Нопфлера — оно всегда предваряло встречу с моим старым приятелем вороном Брэндонем Ли.

Вот фрагмент нашей беседы:

— Как дела, друг? Опять куда-то собрался?

— По работе собираюсь в Сибирь.

— Всё ходишь-бродишь, а по факту стоишь на месте.

— Такова жизнь, бро...

— Да нет, жизнь тут ни при чём — всё от нас зависит.

Вот я если хотя бы один день не полетаю, на следующий день взлететь не могу...

— Музыку, я смотрю, ты забросил, не вижу твоей гитары.

— Гитару сыну подарил. Сам я сейчас занимаюсь больше продюсерской работой.

— А это что такое?

— Представь себе: летишь и не знаешь куда, и вдруг рядом материализуется друг, который тебя направляет.

— Эх, смешные вы... — он расправляет крылья. — лю-ди...

— Да не люди мы уже давно, я же тебе говорил. Мы — роботы.

— Да какая разница? — каркает он и улетает в серое небо.

Последние телодвижения перед командировкой под саунд Sade: проверяю автономное питание на случай перебоев электричества. Включаю сторожа дома. Включаю сигнализацию. Сажусь в капсулу. Закрываю люк.

Когда люк закрылся, он испытал déjà vu, как будто это уже было с ним, когда он был человеком. Ему показалось — хотя он прекрасно знал, что никогда не был человеком — что каждое движение капсулы уже проходило когда-то, в другой жизни. Тонкая вибрация металла, холодный запах смазки, слабое мерцание индикаторов — всё казалось знакомым и одновременно чужим.

Он на мгновение ощутил лёгкое смятение. Роботам не свойственна ностальгия по тому, чего не было. Это был просто программный сбой. Эхо пустоты в титановом корпусе. Он моргнул диодами и вернулся к выполнению протокола.

Глава 3

Для того чтобы расположить Yankha к себе, я облачаюсь в тело женщины, звоню в дверь.

— Здравствуйте. Вы у нас больная?

— Нет. То есть да, я температуру. Но я не вызывала врача.

— Вы Yankha?

— Я. Но я не вызывала врача.

— Вы болеете?

— Да.

— Не хотите лечиться, других хотите заражать?

— Послушайте...

— Послушайте, Yankha. Кто-то вызвал вам врача. У меня много вызовов. Можно я вас осмотрю и оставлю в покое?

— Да, пожалуйста, проходите.

— Уколов не боитесь? Аллергии нет?

Yankha, не скрывая своего раздражения, молчит.

Ясо настраивает бас-гитару. Этот звук — единственное, что здесь имеет хоть какой-то смысл. Всё остальное — лишь декорации для медленного угасания.

Yankha косится в зеркало и видит себя со стороны: уставшее лицо, угловатая фигура в джинсах. Рядом стоит женщина-врач лет тридцати в белом халате. В комнату входит хозяйка дома — старая рыжая кошка.

— Какая милая у вас кошка, — замечает женщина и тянет руку, чтобы погладить.

— Даже не вздумай, — отвечает кошка.

— Какие мы сегодня серьёзные.

— Станешь тут с вами несерьёзной.

Женщина снова пытается её погладить, но кошка убегает на кухню.

Ясо импровизирует. Он играет соло для пустоты.

Yankha и женщина-врач на мгновение замирают, прислушиваясь. Но слышат лишь скрип половиц под ногами. Музыка остаётся где-то там, в параллельной реальности, куда им обоим вход заказан. Они переглядываются: ни одна не произносит этого вслух, но обе понимают.

— Вот и хорошо. Вы всегда такая спокойная?

— Когда я одна — всегда.

— Почему?

— Потому что нет необходимости притворяться и врать.

— Вас никто не заставляет.

— Если я не буду врать, все будут обижаться.

— Вы никому ничего не должны.

— Я понимаю это. Но ничего с собой поделатъ не могу.

— Я смотрю, у вас гитара. Кто-то играет?

— Это я играю.

— А ещё и поёте? И какой у вас репертуар?

— Я сама сочиняю.

— О чём?

— У меня обломные песни.

— Ах, вот оно что.

Женщина-врач исчезла.

А была ли она вообще? Или это просто сбой в системе распознавания образов, глюк матрицы, призванный скрасить одиночество?

Когда она собирала свою медицинскую сумку, я увидела в ней студийные наушники и спросила:

— О-о, у вас настоящие студийные наушники?

— Не совсем, это наушники для релаксации. Хотите попробовать?

— Конечно.

Она извлекла из сумки наушники и аккуратно надела их мне на голову.

Я не заметила, как пролетело время. Было ощущение лёгкости. Как будто воздух стал чище. Как будто кто-то открыл форточку в голове. И впустил туда ещё больше холода.

Ночь. Бессонница.

В голове крутится песня из старой пластинки. Глупая, пошлая песенка о желании быть любимой. Какая ирония.

Звонит шеф.

— Володя, привет. Извини, что разбудил. У нас ясный погожий день. Угадай, с кем я сейчас?

— Вы с Каре.

— И это правильный ответ. Вы выиграли милли-оооон.

На том конце Каре заливается смехом. Смех женщины, которая когда-то была твоей тенью, а теперь стала тенью твоего начальника — это худший саундтрек, который можно вообразить.

Я чувствую лёгкое удушье и резь в глазах. Голова вдруг становится тяжелее.

— Каре, прекрати, пожалуйста. Это реально больно.

— Пупсик, я это к тому, чтобы ты не забывал меня. Хотя позванивал бы изредка. Я ещё и мать твоих детей...

— Хорошо, Каре.

— Володя, а кому сейчас легко? — смеётся начальник и отключается.

Несколько лет назад моя теневая жена Каре ушла к моему шефу. Шеф и сам полукровка. Они быстро нашли общий язык. Говорят, время лечит. Я в этом не уверен. Время лишь меняет объект боли.

Пятьдесят грамм коньяка отпускают головную боль. Химическое решение для химической проблемы бытия.

Я закрываю глаза. Голос внутри меня — тот самый, что всегда говорит по делу, — начинает допрос. Никакой магии, никакой интуиции. Протокол самонастройки перед миссией. Чистая математика выживания.

— Как настроение?

— Нормальное. Испытываю небольшой дискомфорт в женском теле.

— Наберись терпения. В Англии будет тело старика. Обрати внимание на свои ошибки.

— Первая — много пустых слов. Будь сдержанным.

— Вторая — подстройка. Слишком много мути в образах. Излагай яснее.

— А теперь о главном. Будь предельно собранным. Впереди Темзатаун.

Я смотрю на своё временное женское тело в зеркале. Оно кажется мне нелепым костюмом, взятым напрокат в театре абсурда.

Я чувствую тупую боль внизу живота.

— Вот чёрт... кажется, месячные начались...

Какая пошлая, физиологическая деталь для такого сложного технологического процесса. Просто ещё одно напоминание о том, что даже идеальная машина остаётся заложницей несовершенной биологии.

Глава 4

Я Тень. Меня зовут «Yankha». Я только что проснулась и выяснила, что, оказывается, я пишу песни. И сегодня мне предстоит путешествие не куда-нибудь, а в Темзатаун — записать совместный трек с легендарной группой Джойди Вижн.

Не помню, откуда я знаю эту группу.

Плыву, как сомнамбула, за женщиной-врачом... Лестницы. Этажи. Мысли спутаны. Какая-то пьянь пристаёт к ней. Оба получают. Валяются в собственном дерьме. На чердаке разбегаются кошки. Кто-то умирает с похмелья, просит копеечку на опохмел. Призраки прячутся по углам. Кто-то орудует ключом, пытается стащить чьи-то вещи — тем же ключом получает по лицу.

Я никогда не думала, что мир, в котором я живу, так жесток.

«Зачем мне Темзатаун?» — последнее, что успеваю подумать.

Женщина-врач отправляет меня «на тот свет».

Старик — первый, кого я встречаю там.

Первое впечатление: все разговаривают на русском языке. Или я вдруг ни с того ни с сего стала понимать английский? Вероятно, это побочный эффект смерти: мгновенное расширение лингвистических горизонтов перед лицом вечности.

Мне строго-настрого запрещено покидать Отель. Протокол безопасности требует ограничений. Вероятно, чтобы мы не распугали местных призраков своим невежеством.

Подхожу осторожно к оконному стеклу, словно боясь спугнуть мгновение тишины. За окном висит небо, тяжёлое и сумрачное, плотно облегающее крыши домов, словно серый плащ усталого путника. Здания здесь кажутся чужими, неприкаянными странниками среди улиц, отчуждёнными друг от друга, одинокими и неприветливыми. А воздух... он такой плотный и сырой, будто кто-то незримый уже успел

выдохнуть его прежде меня, оставив после себя лишь едва уловимый запах чужой судьбы.

Я в Темзатауне.

1980.

Иэн ходит из угла в угол, словно зверь в клетке из собственных мыслей. Мартин первым выходит из оцепенения.

— Как ты говоришь, её зовут?

— Yankha. Её зовут Yankha.

— А ты её продюсер?

— Я её продюсер.

— Нам это не интересно, — выносит вердикт Иэн тоном человека, который давно устал от всего, включая собственное существование.

Повисает тишина.

— Guys... — нарушает её старик.

И тут происходит нечто совершенно абсурдное.

Старик внезапно начинает извиваться всем телом, словно пытаясь сбросить с себя не только одежду, но и собственную

кожу. Его пиджак трещит по швам, из-под воротника рубашки лезет не седая щетина, а странный, зеленоватый мох. Он подпрыгивает на месте, нелепо дёргая конечностями, как сломанная марионетка, у которой перепутали нити.

— Не буду ходить вокруг да около! — каркает он голосом, в котором смешались тембры ворона и простуженного диктора советского радио. — У меня заказ на этот проект! Заказчик — серьёзный человек с большими возможностями!

Он делает сальто назад (что физически невозможно для человека его возраста и комплекции) и приземляется на журнальный столик, который угрожающе скрипит под его весом.

— Я вас не шантажирую! Даже в мыслях такого не было! Но послушай, Иэн! — он тычет в вокалиста пальцем, который подозрительно напоминает сухую ветку.

Он делает паузу, во время которой из его ушей начинает идти лёгкий дымок.

— Представь: у человека есть дочь. Он в ней души не чает. И вдруг случается страшное — она вырастет. И почему-то он, не сделав ничего дурного, упаси Господи, становится для неё врагом номер один. А кто для неё друг номер один? Кто? Не знаешь? Ты. А подруга номер один — эта де-

вочка, Yankha! Её имя звучит почти так же, как твоё имя, Иэн...

Старик опускает лицо... прямо в чашку с остывшим чаем, стоявшую на столе. Раздаётся громкое «бульк». Когда он поднимает голову, его лицо покрыто коричневыми разводами, но глаза горят безумным огнём.

— Рассказать вам, какую песню она слушала за пять минут до... за пять минут до суицида?

Иэн долго смотрит в пол. Потом поднимает глаза на старика, из ноздрей которого теперь тоже идёт пар.

— Я вижу, куда ты клонишь.

— Отец не понимал и не принимал её мир, когда она была жива. И до сих пор не понимает, что она в этом. Но хочет услышать это сейчас — вместе с вами — в надежде, что когда-нибудь перестанет быть для неё врагом.

Иэн кивает.

— Без обид, Иэн. Я не хотел доходить до этого, Мартин, ты продюсер, ты меня поймёшь. Я хочу вот что.

Он говорит медленно, словно каждое слово даётся ему це-

ной невероятного усилия воли (и целостности скелета):

— Взять две песни и соединить их. «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg» — вокальная партия Yankha. Инструментальная партия, извини, Иэн, твоего вокала здесь не планировалось. Попробовать услышать, как они соприкасаются, ведут диалог. Что из этого получится?

Я не знаю, что из этого выйдет. Может — пшик. Может — то, чего раньше не было.

Драматургия — в самом столкновении: две чужие вселенные сходятся, и в точке их пересечения появляется история.

Я хочу почувствовать музыку, которая творится здесь и сейчас. Вы, музыканты, сейчас рядом со мной. Я как бы в стороне — и вдруг начинаю осознавать: идентичность нестабильна. Сюда уже проникло что-то потустороннее. Между вами происходит обмен лицами. На сцене, помимо вас, пляшут полуобнажённые тени. Барабанщик преобразается в киборга — ритм механистичен. Вокалист — в волка: это инстинкт. Саунд собирается в центре между вами, проваливается в землю, пробивает твердь на противоположной стороне Земли и возвращается вселенским ураганом.

Бернард закуривает.

Иэн медленно выдыхает.

— И когда ты хочешь начать?

— Вчера.

Пауза.

Старик в этот момент начинает левитировать в нескольких сантиметрах над столиком.

Иэн молчит.

Мартин резко встаёт.

— Включите мне этот трек и текст можно?

Время из состояния «хронос» переходит в состояние «кайрос».

Глава 5

Запахи старой пыли, смешанные с едва уловимым запахом электрических проводов, забытого чая и дешёвой,

нестираемой тоски, витали в репетиционной комнате, придавая ей особый шарм прошедших лет. Тишина здесь царствовала вечностью, храня голоса и звуки, оставленные прошлым поколением музыкантов, — звуки, которые, вероятно, были такими же бессмысленными, как и те, что вот-вот должны были родиться.

Старая аппаратура молча наблюдала за происходящим. Ударные инструменты терпеливо ждали своего часа, покорно следуя ходу времени, как и всё в этом мире, обречённое на износ и поломку. Стены этой комнаты стали свидетелями множества историй, услышавшими столько рассказов, что ими можно было бы заполнить целые страницы книг, которые никто никогда не прочтёт.

Четыре музыканта сидели рядом, выглядя скорее чужими друг другу людьми, случайно оказавшимися в одном лифте, чем сплочённой командой единомышленников. Каждый пребывал в своём мире мыслей и переживаний — в мире, который был лишь неудачной копией реальности.

Иэн выделялся своей хрупкостью и прозрачностью, словно призрак прошлого или просто очень больной человек. Его костюм смотрелся странно, как чуждая оболочка, аккуратно причёсанные волосы говорили о желании соответствовать сцене, но среди спутанных грив товарищей выглядели искус-

ственно и жалко. Белоснежное лицо было лишено выражения, но глаза излучали тревогу и глубину, способную увидеть суть вещей, — если бы эта суть не была столь невыносимо скучной.

Рядом сидел Питер, слегка откинувшийся назад, чувствующийся центром притяжения пространства. Бас-гитара в его руках — тотем власти и силы в мире, где власть иллюзорна.

Бернард осторожно касался струн, извлекая редкие резкие ноты, подобные натянутым нервам человека, который боится признаться себе в полном отсутствии желаний.

Стивен замер перед ударной установкой, подобравшись как ученик перед уроком учителя, полного внимания и готовности реагировать на любые изменения — на любые бессмысленные команды.

Yankha стояла у стены, незаметная и неприметная, словно часть интерьера или дефект покраски. Изношенные дешёвые джинсы, свободный свитер подчёркивали её небрежный образ — образ человека, который давно проиграл битву с собственным отражением. Непослушные пряди хаотично танцевали вокруг головы. Взгляд её был спокоен и выражал принятие собственной индивидуальности — индивидуальности, стёртой в порошок жерновами времени.

Наконец, прервав затянувшуюся тишину, которая была единственным честным элементом в этой комнате, Мартин мягким голосом попросил:

— Спойте что-нибудь... Только не «Обезьяна и AirPhone — Break a Leg».

Она кивнула. Без лишних движений взяла акустическую гитару — кусок дерева с натянутыми жилами — и села на стул. Её голос ворвался в атмосферу:

поведай мне, земляному червю... замысел Бога, если он
Есть

а Если нет, не обессудь... тень каблука... пронеси надо
мною

спой мне, животному, песню о том... где-то был Свет, но
лучше не лезть

но Я уже там... как теперь быть... если не знаешь... пройди
стороной

Голос девушки звучал уверенно и искренне. Он передавал через себя эмоции, подобные штормовому ветру над Темзой: опрокидывающему лодки (надежды), срывающему черепицу с крыш (иллюзии), заглядывающему в окна (в души), как в глаза мёртвых рыб.

Нотация музыки больше напоминала приговор, вынесенный судьбой без тени сожаления и милосердия.

Стивен перестал легонько бить палочками по тарелкам. Вся группа внимательно вслушивалась в песню. Они слушали не музыку. Они слушали подтверждение собственной обречённости.

Последняя нота растворилась в воздухе, повиснув в пространстве, как последний выдох умирающего.

Старик опустил на стул. Его лицо окаменело.

Она поёт так, будто не исполняет песню, а сообщает диагноз неизлечимо больному обществу.

Иэн тяжело вздохнул. Это был вздох человека, несущего на плечах груз не своей вины.

— Начинаем... — задумчиво произнёс он.

Первый удар барабанов прозвучал ритмично и резко, подобен биению сердца в последние секунды агонии. Стивен играл безупречно, задавая точный темп механического распада.

За ним вступил бас — низкое гудение, которое наполнило помещение глубокими вибрирующими оттенками тревоги.

Аккорды Бернарда звенели сухо и холодно, будто металлический провод под напряжением или оголённый нерв цивилизации.

Сам Иэн казался отделившимся от реальности — реальности, которая была ничем не лучше любой другой. Его движения были порывистыми и конвульсивными. Микрофонная стойка стала осью вращения его сознания — единственной точкой опоры в рушащемся мире.

Музыка набрала плотную тёмную окраску, приобретая практически монохромный вид. Это создавало впечатление гипнотического транса или просто предсмертного оцепенения. Повторение превратилось в пульсирующую основу всего сущего.

Через пару минут игры Иэн остановил коллектив коротким движением руки:

— Следующий такт. Только рефрен.

Yankha поёт:

Обезьяна и AirPhone

Иэн молчит. Он смотрит на неё. Его губы шевелятся, но звука нет. Только тишина между ними.

И вдруг тихо, почти шёпотом, словно обращаясь к кому-то невидимому:

— Life whispers back: "Not here, try again. Break a leg"

Группа продолжает играть.

— Весь трек! — резко командует Иэн. — Играть целиком!

Yankha поёт:

банально просто... нести свой... крест
подобно магу... как в куклу Voodoo... вонзи в экран... свой
перст

взорвутся биржи... ворвутся порши... в твою постель
падут покорно... лавины порно... на Куршавель
в этом философия... как мантра... как вселенский закон
вот икона эпохи... обезьяна и AirPhone
обезьяна и AirPhone

Барабаны играют ровно. Эта ровность метронома на кладбище.

Бас держит линию отчаяния.

Гитара шумит и снова вплетается в общую канву распада.

Они продолжают играть.

Такт.

Ещё один.

Движения Иэна становятся всё резче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.